

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Завтра исполняется 70 лет одному из самых любимых наших актеров Евгению Алексеевичу ЛЕБЕДЕВУ. Народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, он уже тридцать лет работает в Большом драматическом театре имени М. Горького. Хорошо известен Лебедев и по кинолентам.

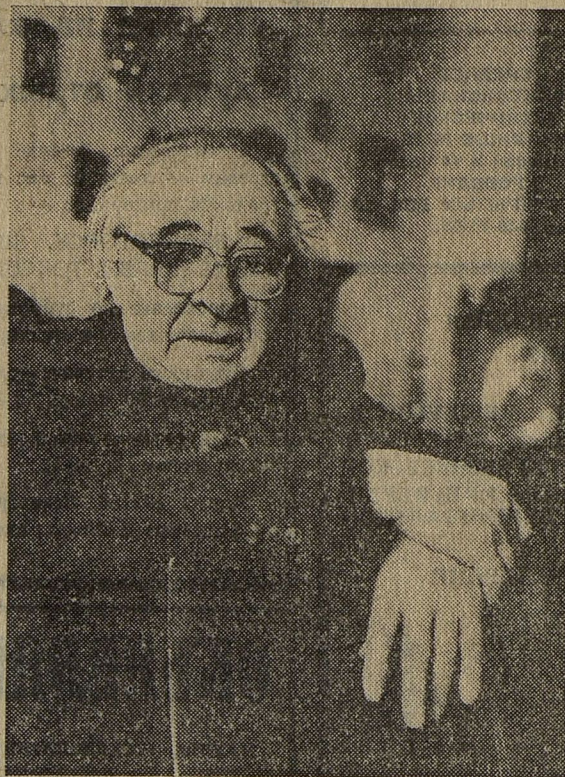
В спектаклях Г. А. Товстоногова раскрылся талант Лебедева как непревзойденного интерпретатора классики: примером тому роли Бессеменова («Мещане»), Холстомера («История лошади»), профессора Серебрякова («Дядя Ваня»), Крутицкого («На всякого мудреца довольно простоты»)...

Последняя работа артиста связана с современной темой — в спектакле «Иван» по пьесе молодого белорусского драматурга А. Кудрявцева он играет главную роль — ветерана войны, доброго, честного, сердечного человека.

Ленинградцы знают, что таланты Евгения Алексеевича не ограничиваются сценическим даром. Он

прекрасно рисует, умеет разглядеть в куске дерева, корне растения фантастическую фигуру или забавную физиономию... Его перу принадлежит интереснейшая книга «Мой Бессеменов». А сейчас в издательстве «Искусство» готовится к изданию вторая рукопись. В ней не только воспоминания, актерские заметки, но и проза. Надеемся, нашим читателям будет небезынтересно познакомиться с этой стороной творчества Е. А. Лебедева — мастера на все руки.

Его талантам нет числа



КАК складывается день юбиляра? Работа, работа и еще раз работа. Репетиции, съемки, вечером спектакль. А еще надо успеть газеты просмотреть, ответить друзьям на многочисленные письма и поздравления. Да и работа над будущей книгой зовет к пишущей машинке...

На снимках: Евгений Алексеевич Лебедев дома; в гримерной; на съемочной площадке «Ленинфильма» с режиссером фильма «Петроградские Гавроши» С. Снежкиным.

Фото Ю. ЩЕННИКОВА

Евгений ЛЕБЕДЕВ

МОЯ ДЖОКОНДА

Никогда не знаешь, где кого найдешь и где кого когда потеряешь. Я встретился с ней в Лувре!

Наш театр приехал на гастроли после Лондона в Париж. Лондон, как мне показалось, город мужской — каждый день бредут там не только мужчины, но и парки, и сады, и скверы. И вообще, город строгий. Одет он так же, как одеваются мужчины, когда идут на службу, — поделовому. Ничего лишнего. Включая трость — зонтик в любую погоду. Очень вежливый город. Женщин в Лондоне я как-то не заметил...

Париж — город женский. Легкомысленный. Кружевной. Мы встретили там внучку Достоевского. Она была тоже в кружевном чепчике. Русская парижанка. Лет под семьдесят. Молодая старушка из прошлого века. И как мы к ней ни приглядывались, чтобы найти хоть что-нибудь общее с великим ее родственником, — ничего не нашли. Хотя... если вы прочли его романы и повести, то ее сразу можно узнать — она оттуда.

В воскресенье я решил пойти в Лувр. Но обстоятельства сложились так, что я успел посмотреть только одну-единственную картину — «Джоконду». Я нашел ее быстро.

Она висела в отдельной комнате, одна на фоне черного бархата во всю стену, в золоченой раме. Я много слышал о «Джоконде», или, как еще называют ее, «Моне Лизе». Много видел репродукций, начиная от кондитерских коробок и кончая лейпцигским изданием — отдельной книгой. Много читал о великом Леонардо. Я боялся встречи с «Моной». Опасался, что после рассказов искусствоведов, после восторженных статей ничего похожего не увижу.

Но первое, что я обнаружил, — очень похожа! На всех Джоконд и на любую Мону Лизу. Я обрадовался. Но когда пригляделся к ней и она меня заметила, понял, что ничего общего нет с теми, которых я так хорошо знал. Мне даже показалось, что она прочтала мои мысли и оттого улыбнулась. Что за черт! Мне показалось или она действительно следит за всем, что со мною происходит? Она живая? Живая! И вовсе не такая уж красивая... У нее простое, но необыкновенное, деревенское лицо. Все, что присуще женщине, в ней есть. С ней можно разговаривать. Она все понимает. Только надо говорить не вслух — она и так обо всем догадывается. И отвечает — тоже без слов. Я понял ее и перешел на другое место.

Действительно, с этой стороны она была еще лучше.

Я подходил к ней близко, совсем близко, но не прикасался к ней. Избави бог! Я чувствовал ее. Она вошла в меня. Вся! Я был заполнен ею. Она была моей. Я в нее влюбился. Влюбился! Первый раз в жизни влюбился не в живую, а в нарисованную, как живую. Я не мог оторваться, не мог расстаться с ней. Отходил в самый дальний угол, прятался за спины посетителей. Она меня находила. Одним глазом смотрела на меня, и я был счастлив...

Но она же не моя, она для всех одна такая. Завораживающая. В ней сидит дьявол. Сам художник вдохнул его в нее вместе со своей душой. И вот она среди нас, понесших из разных стран. Уходим от нее влюбленными.

Я помню чудное мгновенье: Герой мой герцог ты. Как мимолетное виденье. Как гений чистой красоты.

И я ушел. Я уехал. И вспоминая ее, думал: «Есть в Париже совсем не похожая ни на

одну парижанку. Там живет моя любовь. Она — итальянка. А для меня — русопятка, моя Мона, моя Лизка, моя Джоконда».

Прошло пять лет. Я снова в Париже. Помнит ли меня моя Джоконда? Узнает ли? Вспомнит ли нашу встречу? Такая же она или совсем другая? Я ведь тоже изменился... Иду в Лувр. Ее нет на прежнем месте. Теперь она вместе со всеми, на простой стене, но под толстым пуленепробиваемым стеклом, за семью замками... Ее кто-то хотел похитить. Какой-то влюбленный миллионер. Париж схватил этого урода. И теперь она под охраной.

Но мы встретились с ней! И она меня узнала. Она такая же, какой была... Все, все то же самое, все те же наши разговоры. Только через толстое стекло. Любимая! А я — любимый! И опять со мной Пушкин:

Душе настало пробужденье: И вот опять явился ты. Как мимолетное виденье. Как гений чистой красоты.

БАБУШКА И ВНУК

— Бабушка! Я все буквы выучил!

— Молодец, — сказала бабушка. — Теперь тебе ничего учить не надо. Ты уже все знаешь. Садись за стол, бери бумагу и пиши.

— А что писать, бабушка? — Буквы писать.

— Я уже написал их.

— Молодец. Теперь пиши слова. Составляй из букв слова и записывай. Видал, как каменщик дом строит? Сначала у него были одни кирпичи. Никакого дома не было. Достал кирпичи и сложил дом. Так и ты. По одной буквочке склады-

вай и напишешь целый роман или повесть. А лучше всего пиши маленькие рассказы. Напишешь — отдохни и за другой принимайся.

— Бабушка, ты мне что-то совсем не то говоришь. Прежде чем писать, нужно учиться. Как все учатся!

— Дурачок ты мой, — сказала ласково бабушка. — Я не хочу, чтобы ты у меня получился, как все. Ведь ты у меня один! А те, которые не мои, их все равно научили. Вот они и стали похожими друг на друга. А фамилии-то у них разные!

— Нет, бабушка, так писать, как ты меня учишь, нельзя. Нужно знать, ЧТО писать и КАК писать! А я ни что, ни как — не знаю.

— А ты попробуй, — настаивала бабушка. — Вон сколько букв у тебя. У композитора всего семь нот, а послушай, какую музыку они пишат!

— Бабушка, композитору легко, у него звук. А у меня слово. Оно страшнее.

— А ты не думай о страшных словах. Думай о том, что я люблю тебя. И что ты меня любишь.

— А папа? А мама? Они меня любили?

— Конечно, любили... Вот тебе и есть, что писать. А как — папа с мамой подскажут!

Внук взял буквы, сел за стол, достал бумагу и стал собирать слова.

«МОИ ПАПА И МАМА УБИТЫ...» Дальше писать он не мог. Он стал думать.

— Почему ты не пишешь?

— А я думаю, думаю... — и заплакал.